
Пам'яті Володимира Михайловича Корецького (до 120-річчя з дня народження)

Тимченко Лилиана Алексеевна,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры международного и европейского права
Киевского университета права НАН Украины

Юридическая природа возникновения нового государства (по материалам «Декларации прав и обязанностей государств» академика В. М. Корецкого)

Тимченко Л. О. Юридична природа виникнення нової держави
(за матеріалами праці «Декларація прав та обов'язків держав» академіка
В. М. Корецького)

У статті визначені завдання, які постали перед юристами, які вивчають проблему виникнення міжнародної правосуб'єктності у держави. Відзначається, що одномоментно вирішити питання про момент початку міжнародної правосуб'єктності держави неможливо, що функцію своєрідного індикатора початку правосуб'єктності нового суверенного актора виконує акт про визнання. Показується роль В. М. Корецького у вивченні еволюції процедури визнання в міжнародному праві.

Ключові слова: держава, міжнародна правосуб'єктність, визнання, декларативна теорія визнання, народ, право народів на самовизначення.

В 1903 г. профессор Д. П. Никольский констатировал: «Образование новых государств всегда составляет переворот в международном праве» [25, с. 20]. Такой вывод достаточно точно описывает ситуацию, сложившуюся в международном праве начала XXI в. В результате распада Советского Союза и ряда государств Центральной и Восточной Европы вновь актуализировался вопрос о том, какое политико-правовое образование может быть отнесено к категории государства — субъекта международного права и каким образом это происходит. В советской доктрине международного права доминировала позиция, связывающая возникновение нового государства с реализацией народом права на самоопределение. Как отмечал Г. И. Курдюков: «Возникновение нового государства представляет такой юридический факт, который связан с волеизъявлением народов, то есть с реализацией права на самоопределение. С этой стороны новое госу-

дарство признається суб'єктом міжнародного права, поскільки оно возникло в результате совершения правомерных действий» [26, с. 20].

В западной доктрине международного права вопрос о возникновении нового государства рассматривали под иным углом зрения. Исследователи пытались понять: наличие каких критериев позволяет судить о появлении (существовании) нового государства? И кто принимает решение о легитимном происхождении нового суверенного образования? [9]

К концу 80-х — началу 90-х гг. XX в. (к началу эпохи относительной деидеологизации международно-правовой доктрины) стало очевидным, что однообразно решить вопрос о моменте начала правосубъектности государства невозможно. Государства Балтии — Литва, Латвия, Эстония — обосновывали свой выход из СССР фактом восстановления (возвращения) государственной территории, которая стала предметом противоправной военной оккупации [1, р. 333; 25]. Другие республики бывшего СССР провозгласили свою независимость, ссылаясь на историческую справедливость, непрерывную государственность и руководствуясь правом на самоопределение [18, с. 1157; 16; 17]. Заявили о своей независимости «исторически утвердившееся по праву народа на свободное самоопределение» (из конституции Абхазии — прим. Л. Т.) политико-правовые образования — Абхазия, ПМР и Южная Осетия.

Учитывая то, что в международном праве продолжается дискуссия о характере закрепления критериев государственности, а также об их перечне; принимая во внимание тот факт, что международное право не регламентирует процедуру образования государств; памятуя о том, что не существует международно-правовой процедуры, которая бы позволяла судить о легитимности (нелегитимности) возникновения государства, функцию своеобразного индикатора начала правосубъектности нового суверенного актора суждено было исполнить акту о признании. При этом важно отметить, что в современных условиях процесс признания государства — это фактически дипломатическая процедура, которая сводится к публичной огласке отношения признающего государства к государству признаваемому. Не существует норм, которые бы обязывали государства признавать (либо не признавать) то или иное политическое образование. Не имеет правовой регламентации процедура признания. Не существует общепризнанных, кодифицированных критериев признания (их часто отождествляют с критериями государственности — прим. Л. Т.), равно как не закреплено правовое понимание самого института признания.

Исходя из вышесказанного, можно выделить первоочередные задачи, стоящие перед юристами-международниками, исследующими проблему обретения государством международной правосубъектности:

1. Решить вопрос о перечне критериев государственности;
2. Определить место и роль акта о признании в отношении начала международной правосубъектности государства;

3. Дать международно-правовое толкование термину «народ», а также понятиям, родственным по своему значению: «этнос», «нация»;

4. Дать международно-правовую оценку праву на сепарацию как одной из форм реализации права на самоопределение.

Такие задачи не могут быть решены без обращения к научному наследию, благодаря которому мы можем понять язык права определенного периода, которое хранит идеологические тайны, а главное, служит компасом в поиске ответа на современные вопросы. В этом смысле наиболее показательным периодом в истории международного права стал конец XIX — начало XX вв. Именно этот этап подводит нас к пониманию причин появления тех пробелов и несоответствий, которые существуют в международном праве сегодня.

В работе «Декларация прав и обязанностей государств» академика В. М. Корецкого, опубликованной в 1962 г., мы находим четкую формулировку направляющих линий для нашего исследования. Систематизируя и подвергая краткому анализу все разработанные к тому времени проекты основных прав и обязанностей государств, ученый показывает нам эволюционное развитие международно-правовой доктрины по целому ряду базовых вопросов: на основании каких принципов государства должны строить свои отношения; как «старые» государства постепенно избавлялись от «бремени белого человека» в отношении определения судьбы «нецивилизованных или варварских рас»; как в классическом международном праве кодифицировался вопрос о праве латиноамериканских государств на независимость, на невмешательство в их внутренние дела, на равенство; наконец, существуют ли какие-либо перспективы у проекта Декларации прав и обязанностей государств, подготовленного Комиссией международного права ООН в 1949 г.

Из всего спектра представленных В. М. Корецким вопросов остановимся на характеристике тех из них, которые приблизят к решению задач, сформулированных в начале нашего исследования.

В проектах декларации прав и обязанностей государств, рассмотренных выдающимся украинским ученым, не содержалось положений, которые бы закрепляли критерии государственности либо давали цельное определение самому понятию «государство». Не вступает В. М. Корецкий и в дискуссию по поводу содержания ст. 1 Межамериканской конвенции прав и обязанностей государств 1933 г., где речь идет о перечне критериев государственности [11, р. 364–365]. Это объясняется тем, что на рубеже XIX–XX вв. вопрос об образовании государства относился исследователями к компетенции внутреннего государственного права [5, с. 602] или даже к категории исторических событий, к вопросу факта [14, с. 33; 15, с. 494; 13, с. 569], а не права. «Исследование процесса развития государств не есть дело международного права, — писал в 1902 г. И. Роголевич. — Государство может возникнуть при помощи завоевателя, религии, из колоний, как результат

международного союза» [28, с. 17; 27]. Л. Камаровский в этом смысле отмечал, что «вопросы, когда и как возникают новые государства, не относятся к международному праву; на них отвечает либо право государственное, либо история» [19, с. 126]. Полагаем, что В. М. Корецкий не считал нужным обсуждать то, что является очевидным для любого юриста¹.

Закрепление международно-правового статуса государства находится, как отмечалось ранее, в определенной зависимости от состояния его признанности. В конце XIX в. государства решали вопрос о присутствии в международно-правовых отношениях нового суверенного участника коллективно² и только пытались выработать «определенную юридическую теорию», которая бы стала ориентиром для практики реализации вопроса [19, с. 128]. Академик В. М. Корецкий помогает нам проследить, как эволюционировала процедура признания, как от коллективного (конститутивно-го по сути) подхода государства постепенно переходили к декларативному. Из работы знаменитого ученого мы узнаем, что ст. 12 Резолюции 7-го (Будапештского) Всеобщего конгресса мира 1896 г. закрепляла прогрессивную идею о том, «что о возникновении нового государства следует лишь извещать другие государства», что «ни о каком, поэтому, особом «признании» нового государства не шла речь» [20, с. 7]. В то же время важно отметить, что декларативное признание распространялось исключительно на государства «цивилизированные». «Статья 18, — пишет В. М. Корецкий, — признает за населением колонии, созданной лицами, принадлежащими к цивилизованной нации (выделено В. М. Корецким), право требовать автономии или образовать независимое государство. Этого права ст. 19 не признает за населением колоний, установленных на территориях, занятых нецивилизированными или варварскими расами (выделено В. М. Корецким)» [20, с. 8]. Участники 7-го Всеобщего конгресса мира (1896 г.) добивались создания «своеобразного опекунского совета для колоний». «Каждая нация, — говорилось в проекте комиссии, — имеет право — с момента, когда она достигнет определенного уровня цивилизации, и если она обладает определенной территорией (*une assiette territoriale*) — стать (*se constituer*) государством с согласия международной общности сообразно общим условиям, ею (общностью) устанавливаемым» [20, с. 28].

Исходя из анализа приведенных положений, можно заключить, что в конце XIX — начале XX вв. в теории и практике международного права одновременно существовали два подхода к появлению новых государств:

¹ Дискуссия о перечне критериев государственности поддерживается западными учеными с момента появления ст. 1 Межамериканской конвенции прав и обязанностей государств 1933 г. [7, р. 67; 4, р. 47; 6, р. 110–132; 12, р. 9; 8; 2, р. 75]

² «Под признанием, — писал Л. Камаровский, — следует разуметь принятие международным союзом в свою сферу нового государства на принципах взаимности и равенства». [19, с. 128] Коллективная практика решения вопроса о признании сложилась в отношениях между европейскими государствами еще в XVII в. «Начиная с Вестфальского конгресса в международно-правовую практику нового времени вводится правило, согласно которому принятие в «семью народов» нового члена производится с согласия самой международной общественности» [29, с. 10].

декларативный (появление государств «цивилизированных») и конститутивный (принятие в число государств территорий, которые были населены колонизаторами). Правом на самоопределение не обладали колониальные народы, не достигшие определенного уровня цивилизации, их жизнедеятельность находилась под контролем колонизаторов¹.

Как видим, государства строили свое отношение к тому или иному новому образованию, исходя из того, относится ли новое политико-правовое образование к «цивилизированным народам» либо к категории «колоний и земель, получивших политическую организацию».

Несколько позже, в 1916 г.², США расширили круг государств, вступление которых в международно-правовые отношения не предусматривалось³. Как писал В. М. Корецкий: «Указанием на то, что правом на равенство обладает государство, «принадлежащее к обществу государств», вводится ограничение для государств «непризнанных», которых правящие круги США — в их произвольной политике непризнания неудобных им правительств, государств с неудобным им строем — отказываются причислять к «обществу государств» [20, с. 18].

Позиция международного сообщества (представленного исключительно «цивилизированными народами») со временем трансформировалась. В этом смысле прогрессивным можно считать проект Декларации о правах и обязанностях государств, подготовленный в рамках Института международного права в 1921 г. «В I-й же статье, — пишет В. М. Корецкий, — выдвигалось право каждого народа, создавшего государство, на международное признание. Но для такого признания выдвигались условия, могущие свести на нет это право: чтобы «правительство было способно поддерживать порядок внутри и сотрудничать с внешним миром (а l'extérieur) в организации, постоянно развивающей отношения, основанные на общем благе, правосудии и мире» [20, с. 33]. С позиции сегодняшнего дня эти тре-

¹ Более детальную теоретическую разработку данных вопросов мы находим в работе Л. Камаровского «Основные вопросы науки международного права». Автор достаточно подробно описывает процедуру вступления в международно-правовые отношения новых политико-правовых образований: «В различные исторические эпохи действием различных причин вызываются к жизни новые политические тела, но в пределах международного союза процесс этот совершится одним из трех способов: 1) посредством отделения областей от целого, с которыми они до того были связаны и 2) посредством слияния двух или нескольких государств в новые политические тела. Третий путь образования новых государств, который не подходит под перечисленные две главные категории, состоит в том, что известные колонии и земли, получившие политическую организацию, будут признаны мирно со стороны некоторых держав или даже всего международного союза новыми самостоятельными государствами; это есть путь международной инвеституры, признание политической самостоятельности за землями, дотоле ее не имевшими. Такого признание в 1885 г. в акте Берлинского конгресса государства Конго самостоятельным со стороны всех цивилизованных государств. Тут нет ни отделения, ни слияния, а есть признание, как бы создание нового политического тела совокупностью других государств. Эти различные способы возникновения государств осуществляются то насильственным путем, то мирным путем договоров. Но как бы ни возникло государство, оно должно быть признано другими». [19, с. 127]

² Речь идет о Декларации прав и обязанностей государств, которая была принята Американским Институтом Международного права в 1916 г.

³ О политике и практике непризнания США см.: [10; 21].

бования не выглядят угрожающими праву на самоопределение. Ведь государство не может эффективно существовать без того, чтобы контролировать свой внутренний порядок и организовывать внешние отношения. Тогда же, в начале XX в., эти условия, как справедливо отмечал В. М. Корецкий, «облегчали возможность вмешательства». Статья 2 проекта содержала формулу, на первый взгляд расширяющую круг потенциальных субъектов на самоопределение. В ней предлагалось признать все государства «свободными и равными по праву» без различия расы, религии или его мощи», но тут же сразу оговаривалось, что они свободны и равны «соразмерно» (*à parité*) степени их цивилизации, т.е. осознания ими своих международных обязанностей» [20, с. 34].

В ходе работы первой сессии Международного юридического союза (май 1919 г.) к процедуре обсуждения перспектив развития «наций» (словами документов — прим. Л. Т.) юристы обратились вновь. В. М. Корецкий красноречиво описывает эту дискуссию: «Говорили о независимости государств, но не о независимости народов, а государств. Колониальные народы добивались своей независимости, а им говорили, нужно выяснять, каждая ли нация имеет право стать (*de se constituer*) государством. Для этого по-господски требовали достижения «определенного уровня цивилизации» [20, с. 26].

К вопросу о праве народов на самоопределение государства невозможно было не обращаться. Создание Польши, Чехословакии требовало закрепления подобной нормы в международном праве. В 1925 г. в рамках подготовки проекта Декларации прав и обязанностей государств Межпарламентским Союзом к проблеме вновь обратились. «Народы, — записано в ст. 9, — имеют неотчуждаемое и неотъемлемое право свободного самораспоряжения (*autodisposition*)»¹. По поводу этой статьи В.М. Корецкий написал: «О ней долго спорили. Явно боялись, что ее могут распространить на колониальные народы... Но, повторяю, колониальным народам не собирались предоставлять «право распоряжения». Их удел-де — быть под опекой...» [20, с. 51].

Данное положение лишний раз подтверждает тот факт, что в начале XX в. государства все еще были не готовы принять в «свой круг» народы «нецивилизованные».

Описывая достоинства и недостатки Конвенции о правах и обязанностях государств, принятой на VII-й Конференции американских государств в Монтевидео 1933 г., В. М. Корецкий очень кратко затрагивает вопрос о признании. Он пишет: «Мы находим в ней и признание, оказавшееся простой фикцией, того, что «государства юридически равны, обладают теми же правами и имеют равную возможность (*capacity*) их осуществления» (ст. 4)» [20, с. 56]. Почему авторитетный советский ученый в се-

¹ Само понятие «народ» так и не было закреплено в данном проекте по причине расплывчатости. По этой же причине смысловое наполнение данного термина часто заводит в тупик современных ученых. Цитировалось по: [20, с. 50].

рьез не воспринимает положения Конвенции Монтевидео? Ведь на практике речь идет о кодификации декларативной теории признания¹. Таких причин несколько. Для нас важнейшей является следующая: на практике ни европейские государства, ни тем более США не демонстрировали свою приверженность закрепленному в Резолюции 1896 г. и Конвенции Монтевидео 1933 г. положению, т.е. декларативной теории признания. А тот факт, что США подписали Конвенцию Монтевидео с оговорками (к 11 из 12 статей), действительно свидетельствует об двойственности американского подхода к вопросам признания.

Рассматривая вопрос о юридической природе возникновения нового государства в современных условиях, мы неизменно сталкиваемся с проблемой определения адресата права на сецессию. Памятуя о том, что право на сецессию является одной из форм реализации права на самоопределение, важно отметить, что «с самого начала существования принципа самоопределения его сфера действия не ограничивалась вопросами колониализма» [23]. Первоначально «этот принцип был тесно связан с концепцией государства-нации и его смысл состоял в том, что каждая нация должна обрести свою государственность» [23]. Именно в таком контексте в Резолюции Всеобщего конгресса мира 1896 г. были закреплены следующие положения: «Каждая нация имеет право на правомерную защиту» (ст. 7); «каждая нация обладает неотчуждаемым и неотъемлемым правом полной свободы в распоряжении самой собой» (ст. 8); «солидарность между всеми нациями» (ст. 9); «нации суверенны и равны» (с. 14). В. М. Корецкий по этому поводу писал: «В докладе делалась попытка определить, какие права присущи (inherent) нации, указывалось, что таковыми являются те, которые должны принадлежать субъекту международного права и без которых он полностью или частично был бы лишен этого свойства (субъектности)» [20, с. 56].

Особый интерес с точки зрения понимания эволюционных процессов в деле определения круга субъектов права на самоопределение представляет «Мирная программа Вильсона»². В «Программе» употребляются термины «народ», «нация» и «национальность». Из контекста документа сделать однозначный вывод о содержании этих терминов достаточно сложно. Говоря о государствах, В. Вильсон чаще всего применяет термин «народ» (п. 6 Первой части Программы, п. 1 Третьей части Программы). Особый интерес вызывает п. 14 Первой части Программы: «С целью вза-

¹ Содержание ст. 3 сводится к следующему: «Политическое существование государства независимо от признания другими государствами. Даже до признания государство имеет право защищать свою целостность и независимость, обеспечивать самосохранение и процветание и, наконец, организовываться по собственному усмотрению, издавать законы в соответствии с собственными интересами, руководить своими службами и определять юрисдикцию и компетенцию своих судов» [11, р. 364–365].

² Программа изобилует предложениями, реализация которых в начале XX в. могла бы избавить современные государства от целого ряда проблем, связанных с определением границ и возникновением новых государств. Эта программа, равно как и вся деятельность американского президента, широко критиковалась в Советском Союзе. Полагаем, что по причинам идеологической целесообразности В.М. Корецкий не упоминает об этой программе в своей работе.

имного обеспечения политической независимости больших и малых наций должно быть образовано всеобщее объединение народов на определенных договорных условиях» [22, с. 26]. Можно предположить, что понятие «нация» в данном случае синонимично понятию «народ-этнос», а понятие «народ» применяется по отношению к сложившимся более или менее гомогенным государствам, в смысле «народ-демос». В замешательство приводит п. 2 Второй части Программы: «Народы и государства не должны быть передаваемы от верховной власти одного государства под верховную власть другого государства, как будто дело идет о предметах и камнях в какой-либо игре, хотя бы это и была великая игра в равновесие сил, которое уже отныне и навсегда дискредитировано» [22, с. 27–28]. Текст данной статьи позволяет констатировать, что у В. Вильсона (в отличие от юристов-международников его времени) не было устоявшегося взгляда на содержание терминов «народ», «нация», «народность». Тот факт, что американскому президенту принадлежит инициатива разрешения территориальных вопросов (связанных с фиксацией границ сообразно «явно познаваемым национальным признакам»), бесспорен. В «Программе» мы находим положения о: восстановлении самостоятельности Бельгии (п. 7 Первой части); освобождении французской территории и возвращении Франции Эльзаса-Лотарингии (п. 8 Первой части); исправлении итальянских границ (п. 9 Первой части); возможности автономного развития народностей Австро-Венгрии (п. 10 Первой части); территориальной неприкосновенности балканских государств (п. 11 Первой части); самостоятельности турецких частей Османской империи (п. 12 Первой части); образовании независимого польского государства (п. 13 Первой части).

Колониальные вопросы В. Вильсон предлагал решать исключительно в духе политики развитого буржуазного общества — в интересах государств-колонизаторов. По этой причине «беспристрастное удовлетворение всех колониальных притязаний» не связывалось им с независимостью колониальных народов [22, с. 15].

Описанный документ серьезно повлиял на развитие международного права. Ученые часто ссылаются на него, утверждая [3, р. 13–18], что именно В. Вильсон внес сумятицу в умы исследователей и заложил фундамент для продолжительного спора о субъекте права на самоопределение. Однако анализ следующих за «Программой» проектов прав и обязанностей государств позволяет сделать вывод о том, что в доктрине международного права классического периода сложилась устойчивая тенденция признания адресатом права на самоопределение «цивилизованного народа (нации)». В то время как борьба колониальных народов за независимость вступала в свою финальную фазу.

Проведенная аналитическая работа позволяет констатировать, что в конце XIX — начале XX вв.:

1) Вопрос о возникновении государства рассматривался как историческая данность (в лучшем случае, он должен был входить в компетенцию внутреннего государственного права). По этой причине В.М. Корецкий не затрагивает в работе «Декларации прав и обязанностей государств» вопрос о понятии «государство» и не вступает в дискуссию о критериях государственности.

2) В международном праве получила закрепление обычная норма о критериях государственности, к числу которых большинством авторов относились: территория; население, проживающее на этой территории; власть (государственная, публичная).

3) В теории и практике межгосударственных отношений различали такие категории народов, как: «цивилизованные народы»; «колонии и земли, получившие политическую организацию»; «население колоний, установленных на территориях, занятых нецивилизованными или варварскими расами». В зависимости от принадлежности к той или иной категории государствами решался вопрос о возможности применения к ним декларативного или конститутивного подхода в признании (либо о неприменимости любого из них).

4) США обосновывали и развивали практику «непризнания» политико-правовых образований, которые не соответствовали, по их мнению, критериям государственности.

5) Государства подошли вплотную к рассмотрению вопроса о праве на самоопределение «цивилизованных государств». В результате на карте мира появилась целая группа новых государств, в числе которых: Болгария, Румыния, Сербия, Черногория, Польша и Чехословакия.

6) Суверенные участники международно-правовых отношений были единодушны в том, что на них возлагалась «священная миссия» окультуривания нецивилизованного населения тех или иных регионов.

7) Решение о существовании нового государства принималось в большинстве случаев коллективно (конститутивная теория признания). Исключительным случаем стал Советский Союз, легитимное появление которого долго оспаривалось. Кодификация положений о «политическом существовании государства независимо от признания его другими государствами» (ст. 3 Конвенции Монтевидео) существенно не повлияла на практику предоставления признания государствами.

1. *Buchanan A.* Justice, Legitimacy, and Self-Determination Moral Foundations for International Law. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2004.
2. *Cassese A.* International Law. Second Edition. — Oxford, New York: Oxford University Press, 2005.
3. *Castellino J.* International Law and Self-Determination. The Interplay of the Politics of Territorial Possession with Formulations of Post-Colonial 'National' Identity. — The Hague/Boston/London: Martin Nijhoff Publishers, 2000.
4. *Crawford J.* The Creation of States in International Law. — Oxford: Clarendon Press, 1979.

5. *Bluntschli J.G.* Das Moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten. — Nördlingen, 1878. Цитується по роботі: Горовцев А. Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909.
6. *Duursma J.* Fragmentation and the international relations of micro-states: self-determination and statehood. — Cambridge, England; New York: Cambridge University Press, 1996.
7. *Fawcett J.E.S.* The Law of Nations. — London: The Penguin Press, 1968.
8. *Grant T. D.* Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // *Columbia Journal of Transnational Law*. — 1999. — Vol. 37. — No. 2.
9. *Grant Th.* The recognition of states: law and practice in debate and evolution. — Westport, Connecticut; London: Praeger, 1999.
10. *Hill Ch.* Recent Policies of Non-Recognition. — Worcester; New York: Carnegie endowment for international peace, 1933.
11. *Janis M. W., Noyes J. E.* Cases and Commentary on International Law. — St. Paul, Minn.: West Publishing, 1997.
12. *Menon P. K.* Some aspects of the law of recognition. Part II: Recognition of States // *Revue de droit international, de sciences diplomatiques et politiques*. — 1991. — Vol. 69. — № 3.
13. *Rivier A.* Principes du Droit des gens. — Paris, 1896. Цитується по: Горовцев А. Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909.
14. *von Holtzendorf F.* Grundlage Europäischer Staatspraxis. — Hamburg: Verlag von I.F. Richter, 1887. Цитується по роботі: Горовцев А. Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909.
15. *von Ullmann E.* Das öffentliche Recht der Gegenwart. — Tübingen, 1908. Цитується по роботі: Горовцев А. Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия. — СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1909.
16. Декларация «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики», принята Верховным Советом Азербайджанской Республики 30 августа 1991 г. /Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.nurlu.narod.ru/ARMA.htm>.
17. Декларация «О независимости Армении», принята Верховным Советом Республики Армения 23 августа 1990 года / Электронный ресурс // Режим доступа: <http://www.parliament.am/hdoc/Laws/ru/9t9w4k.html>.
18. Декларація про державний суверенітет України від 16 липня 1990 р. // Україна в міжнародно-правових відносинах. Боротьба із злочинністю та взаємна правова допомога (книга перша): Збірник документів. — К.: Юрінком, 1996.
19. *Камаровский Л.* Основные вопросы науки международного права. — М: Типография Общества распространения полезных книг, 1892.
20. *Корецкий В. М.* Декларация прав и обязанностей государств. — К.: Издательство АН Украины, 1962.
21. *Лазарев М. И.* Дворцовые перевороты в странах Латинской Америки (международно-правовое признание новых правительств). — М.: Юридическая литература, 1967.
22. *Львов И.* Мирная программа Вильсона. — К.: «Культура и знание», 1919.
23. *Мережко А.* Равноправие и самоопределение народов в контексте проблемы непризнанных государств / Электронный ресурс // Опубликовано на сайте: http://lalunada.com/statmzi/news_2008-01-15-09-17-31-241.html от 3.03.2008.
24. *Мялксю Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940 — 1991 гг. и после 1991 г. — Тарту: Tartu University Press, 2005.
25. *Никольский Д. П.* Популярные лекции для самообразования. Международное право. — СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1903.
26. *Признание в современном международном праве: (Признание новых государств и правительств) / Д. И. Фельдман, Г. И. Курдюков, Б. И. Кофман, Л. Х. Мингазов.* — М.: Международные отношения, 1975.
27. *Рихтер В.* Повторительный курс по международному праву. — К., 1891.
28. *Рогалевич И.* Краткий курс по международному праву. — СПб.: Издание Санкт-Петербургского книжного склада М. Залшупина, 1902.
29. *Фельдман Д. И.* Признание государств в современном международном праве. — Казань: Издательство Казанского университета, 1965.